

УДК 316.75

Коммуникация риска: теоретические основания и современные дискуссии

А. В. Иванов

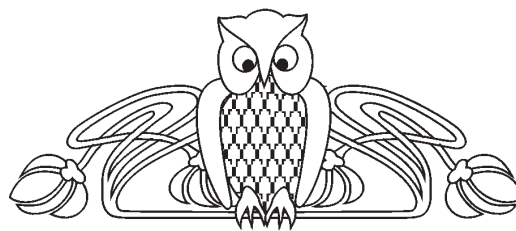
Иванов Андрей Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivanowaw@gmail.com

В статье анализируется системный подход к изучению проблемы коммуникации социального риска. Реакция людей на риск определяется ценностными ориентациями, потребностями и интересами, типом культуры, влиянием социального окружения и социальными институтами. Следовательно, изучение риска в социальных науках не может ограничиваться техническим анализом его параметров, вероятности и степени ущерба. Рассматриваются теоретико-методологические основания теории коммуникации социального риска, прослеживается ход ее развития, исследуется ее значение для актуальных научных дискуссий. Современное общество характеризуется появлением принципиально новых рисков, изучение которых не представляется возможным с помощью традиционных рискологических подходов. Восприятие рисков становится более значимым, чем сами риски, эффект воздействия от которых распространяется на все общество в целом. Риск — это социальный конструкт. Следовательно, коммуникация риска имеет важнейшее значение для понимания современных конфликтов, а сами риски связаны с проблемами их восприятия и особенностями усиления их эффектов в медийно-коммуникативной сфере. Исследование направлено на совершенствование методологического инструментария и предполагает использование целостного подхода, ориентированного на интеграцию когнитивной и социокультурной перспективы исследования.

Ключевые слова: общество риска, теория риска, коммуникация, восприятие риска, социокультурная теория, доверие, конфликт.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-251-256>

В развитии рискологии как области знания в последние десятилетия происходят существенные изменения. Глобальные по своим масштабам угрозы XX столетия, связанные с появлением атомного, химического оружия и других разрушительных технологий, отчетливо продемонстрировали явную недостаточность традиционных методов анализа на основе вероятностного подхода. Классический вопрос о том, каким должен быть приемлемый уровень риска «*How safe is safe enough?*», сформулированный Ч. Старром в 1960-е гг., на многие десятилетия вперед определил направления научных дебатов [1]. В итоге публичных дискуссий, развернувшихся по

поводу отношения к риску, обозначились существенные и подчас непреодолимые различия во взглядах и ценностных предпочтениях ученых, экспертов, гражданских активистов и политических деятелей. Несовместимость, а подчас и противоречивость их взглядов подтвердили давнюю гипотезу о существенном воздействии социокультурных факторов на индивидуальную оценку риска. Анализ механизмов восприятия и коммуникации является важнейшим аспектом изучения риска как такового. Решение данной задачи предполагает осознание того, что отношение к риску опосредуется ментальными, когнитивными и коммуникативными процессами. Реакция человека или группы людей на риск определяется детерминантами различной природы, в этом отношении риск как субъективно оцененная вероятность событий можно рассматривать в качестве продукта социального конструирования, в ходе которого внешние негативные стимулы под воздействием средовых факторов приобретают статус не только нежелательных, но и социально неприемлемых событий. Несмотря на давнее убеждение ученых в том, что исследование риска должно базироваться на изучении объективных параметров, независимых от сознания человека, которые могут быть столь же объективным образом оценены на основе формализованных методов, постепенно возникает иная точка зрения, согласно которой оценка потенциальных опасностей, отбор данных, а также сама процедура вероятностной калькуляции подвержены воздействию субъективных ценностных предпочтений, интуитивно привносимых сознанием экспертов в процесс анализа, не говоря уже о влиянии на них политических и социальных факторов.

Действительно, специалисты в области риска в своих оценках подчас ориентируются не только на количественные характеристики и возможные последствия негативных событий, но и на уже сформировавшееся мнение общественности, степень доверия распространяемым сведениям о факторах риска, силу их эмоционального воздействия на общественное сознание. По мнению К. Шредер-Фречетт, данный факт является свидетельством необходимости формирования новой критической теории, базирующейся на

убеждении в том, что исследования риска в социальных науках выходят далеко за пределы простой количественной оценки параметров рискованных ситуаций [2, р. 47]. С появлением знаменитой книги «Логика, или искусство мыслить», изданной во французском монастыре Порт-Рояль в 1662 г., в науке утвердилось определение риска как величины, характеризующей произведение вероятности наступления события и величины потенциального ущерба. Как полагает шведский философ Свен Ове Ханссон, сегодня подобная терминология проблематична уже потому, что в этом случае риск определяется через степень риска. Например, если вероятность смерти одного человека на американских горках составляет 1 из 1000 и количественно равна вероятности гибели 1 000 чел. из 1 000 000 чел. во время аварии на ядерном реакторе, то из этого не следует, что в приведенных примерах мы имеем дело с одним и тем же риском лишь потому, что риск смерти в них равен 0,001 [3, р. 30]. А это означает, что современному ученому-рискологу следует не только руководствоваться концептуально выверенными и непротиворечивыми дефинициями, но и учитывать, что парадигмальные противоречия между различными группами ученых в интерпретации рисков свидетельствуют о существовании несоизмеримых социальных дискурсов, определяющих границы самой научной рациональности.

Как полагает Д. Лаптон, формирование коллективных риск-представлений происходит в процессе коммуникации, которая является историческим, культурно заданным феноменом и осуществляется в результате взаимодействия горизонтов «индивидуального восприятия и коллективной интерпретации» [4, р. 33]. Коммуникация является тем способом, с помощью которого производятся основополагающие релевантные значения риска для общества. Основная особенность данного взаимодействия заключается в том, что именно в акте коммуникации происходят объективация и конституирование феномена риска как социального факта, в результате чего сами риски становятся дискурсивными событиями в жизненном пространстве социальных групп, которые начинают интерпретировать внешние события природного мира на основе имеющегося жизненного опыта, заданного уровня социального самочувствия, индивидуальных особенностей актуализации потребностей в безопасности.

Коммуникацию о рисках можно рассматривать в качестве бесконечного экзистенциального диалога субъектов в потоке повседневного опыта, событий природного, социального и внутреннего духовного мира. Для всех людей существуют

объективные условия, например, угрозы терактов и экологических катастроф. Вместе с этим для отдельного человека риск проявляется как субъективно воспринимаемая индивидом ситуация, на основе рефлексии которой им принимаются соответствующие решения. Для каждого общества, социальной группы и индивида может существовать своя «шкала» опасностей, которая определяется иерархией ценностных приоритетов и субъективных потребностей. В этом отношении риски не являются ни просто объективными, ни просто субъективными событиями, они принадлежат и объективно-реляционным свойствам социального бытия.

Описание комплексной природы риска с позиций социальных наук предполагает детальное исследование условий его актуализации в общественном сознании, а также факторов, усиливающих его воздействие. Восприятие риска как процесс социального конструирования анализируется в современной рискологии с точки зрения различных теоретико-методологических позиций. Изучение риска в рамках «психометрической парадигмы» базируется на рассмотрении воспринимаемого риска преимущественно на индивидуальном уровне, анализе средовых факторов, определяющих его субъективную интерпретацию, например, неизвестность, добровольность, степень социального доверия, контроля, катастрофический потенциал и др. [5, р. 117]. Психометрический метод базируется на четырех основных предпосылках: 1) понимание риска как социального конструкта, а не просто объективной сущности; 2) включение в контекст исследования не только технических, но и социально-психологических и ценностных аспектов; 3) рассмотрение в качестве объекта исследования социальных представлений о риске в контексте повседневной жизни в противоположность экспертным оценкам специалистов; 4) широкое применение методов многомерной статистики, факторного и регрессионного анализа.

Другим широко распространенным рискологическим подходом является *теория социального усиления риска*, согласно которой восприятие некоторых опасных событий усиливается или ослабляется рядом коммуникативных факторов [6]. У истоков создания этой теории стояли всемирно известные ученые Роджер и Джин Касперсоны, а также Пол Словик и Джеймс Флинн, которые выявили в процессе коммуникации так называемый феномен стигматизации, который, однако, можно наблюдать и во многих других сферах культурного бытия современного общества. Авторы исследовали особенности передачи информации о рисках СМИ и выявили, что в

ходе этого процесса исходная информация искажается из-за множества фреймирующих факторов – социальных, культурных, психологических, благодаря которым происходят усиление или, наоборот, ослабление их воздействия на сознание человека. Нередко вторичные эффекты могут во много раз превзойти ущерб, обусловленный воздействием первичного события или процесса. Чем чаще стигматизирующие элементы ассоциируются с неким событием, тем с большей вероятностью оно будет восприниматься в качестве неприемлемого, вероятного и влекущего за собой социально опасные последствия.

В теории когнитивного шума, разработанной В. Ковелло, акцентируется внимание на том, как индивиды обрабатывают информацию в условиях психологического давления, а также на исследовании изменений, возникающих под влиянием процесса коммуникации. Находясь в состоянии повышенного уровня тревожности, беспокойства, индивид утрачивает способность эффективно и рационально рефлексировать непрерывно поступающую информацию о потенциальных опасностях и угрозах. Например, когда в сообщениях, описывающих участившиеся случаи заражения редкими заболеваниями в каком-то регионе, рост наркомании среди подростков и т.д., используется чрезмерно эмоционально нагруженный язык описания, сложно сформировать адекватное представление о возможном риске. Другой феномен, который был выявлен В. Ковелло, – асимметрия восприятия информации о рисках. В целом отношения между негативной и позитивной информацией, по его мнению, асимметричны, при этом негативная информация, как правило, преобладает. Основной тезис данной модели – люди придают большую ценность потерям, чем позитивному результату, поэтому негативные сообщения дольше остаются в памяти, оказывают большее влияние, чем сообщения с позитивным или нейтральным ценностным содержанием [7].

Сторонники теории сетевого заражения (*social network contagion approach*) утверждают, что люди при оценке рисков, с которыми они сталкиваются, стремятся согласовать свое поведение с поведенческими паттернами социальных сетей, членами которых они являются [8]. При этом определяющая роль социальных сетей в формировании установок и воззрений не столько заключается в непосредственном целенаправленном воздействии на сознание людей чье-либо мнения, а сколько в том, что является следствием общих разделяемых оценок и ценностей, возникающих в процессе коммуникативного взаимодействия. Чем плотнее социальные связи в

социальной сети и чем чаще члены социальной сети общаются друг с другом, тем с большей вероятностью у членов данной сетевой группы возникнет схожая реакция на риск. Подход П. Сандмана также можно рассматривать в качестве практического приложения психометрической концепции Фишхоффа и Словика, согласно которому отношение к рискам в общественном сознании в отличие от экспертного базируется не на анализе фактов или объективных характеристиках какого-либо события, а возникает в ходе эмоциональных переживаний данного события. Следовательно, в процессе коммуникации риска обращение к техническим фактам о риске может оказаться недостаточным, чтобы убедить аудиторию в их значимости. Аудитория не будет воспринимать информацию до тех пор, пока она не будет адресована их эмоциональным убеждениям [9].

Концепция ментальных моделей, разработанная М. Морганом и другими исследователями университета Карнеги-Меллон, ориентирована на качественное исследование групповых представлений о рисках и опасностях и составлении на основе них ментальных моделей, позволяющих более эффективно выстроить стратегию коммуникации в критических ситуациях, в которых могут оказаться политические фигуры и даже государственные учреждения. В целом эта концепция воспроизводит основные положения социального конструктивизма [10]. Все указанные теории, бесспорно, произвели революционный переворот в понимании риска и его природы. Однако, несмотря на очевидные успехи, их авторы зачастую оказываются неспособными объяснить, почему отдельные последствия риска наделяются различными социальными и культурными атрибутами. В данном случае остаются неучтенными социальные и исторические контексты представлений о риске. Некоторые аспекты, например, социальная оценка справедливости в распределении последствий от риска, требуют особого внимания.

Социальные исследования, осуществляемые в рамках антропологического направления, напротив, доказывают, что индивидуальные представления о риске и его оценка берут свое начало в коллективных и культурных условиях, благодаря которым социокультурная среда общества как сложная система смыслов, представлений и норм становится необходимым условием ориентации личности в пространстве рисков, определяя селекцию одних рисков и игнорирование других. Согласно классической культурной теории риск – это не простая объективная сущность, которая может быть выявлена и идентифицирована вне зависимости от личностного и социального

контекста, риск – это определенный конструкт, который общество создает в процессе своей эволюции. По этой причине в исследованиях риска невозможно исключить влияния принадлежности субъектов к социокультурным общностям и социальным группам, для которых характерны специфические критерии оценки и идеологические стандарты. Всего в общей сложности выделяется четыре основных типа культуры риска – предпринимательская, эгалитаристская, бюрократическая и индивидуалистская, каждая из которых базируется на собственных нормативно-ценностных критериях групповой интерпретации рисковенных явлений [11, р. 21]. Таким образом, оценка и отношения к рискам в культурно-антропологической теории рассматриваются как функции их ценностных предпочтений, которые в свою очередь определяются принадлежностью к социокультурной общности с набором специфических установок, этосом, коллективной мифологией и нормативными ограничителями. Данная область исследований в наибольшей степени связана с философской рефлексией онтологических и социокультурных оснований коллективных представлений о рисках.

Подводя итог анализу исследовательских подходов, можно констатировать, что обозна-

ченные конкурирующие исследовательские программы не исключают друг друга, а могут рассматриваться в качестве взаимодополняющих элементов мультифакторного подхода к исследованию восприятия социального риска. При всем различии обозначенных исследовательских перспектив между культурно-антропологической теорией риска и психометрической парадигмой, конечно, существуют и определенные точки соприкосновения, которые касаются возможности использования социально-психологических методов для операционализации положений антропологической теории риска. Как продемонстрировал К. Дейк, социально-психологические методы могут успешно использоваться для определения принадлежности индивидов к той или иной риск-культуре, о которой М. Дуглас рассуждала в основном в идеально-типическом смысле. Для сравнения предложенных исследовательских подходов, таким образом, можно использовать идеально-типическую многофакторную модель коммуникации и восприятия риска, которая включает в себя как психометрические (социально-психологические), так и ценностно-институциональные и социокультурные компоненты (рисунок). Взаимосвязь факторов, определяющих

Мультифакторная модель восприятия социального риска

восприятие социального риска, носит комплексный характер, а это обстоятельство ставит вопрос о корреляции индивидуальных и надывдивидуальных факторов в процессе конструирования коллективных представлений о риске.

Таким образом, как свидетельствует анализ современных теорий, риск как продукт взаимодействия различных систем – когнитивных, социокультурных, природных, технических – тесно связан с коммуникативными процессами, а также с особенностью различных ментальных, ценностных и стратегических установок субъектов, на основе которых последние принимают соответствующие решения. Поэтому зачастую в общественном сознании представления о рисках конструируются не только объективными параметрами рискогенных событий, но и групповыми ценностными ориентациями, потребностями и интересами, типом культуры и социальными институтами, которые и формируют определенную модель субъективно воспринимаемого риска. Место риска определяется многомерностью коммуникативного социального пространства, включающего в себя психологическое, ценностное и институциональное измерения. В рамках конструктивистской парадигмы вероятностный подход также рассматривается как один из возможных способов культурной интерпретации риска, поскольку само понятие вероятности является теоретическим конструктом, опирающимся на научное понимание мира. Таким образом, научно-теоретический и повседневный модусы восприятия риска, свойственные представителям экспертного сообщества и неспециализированного знания, являются двумя различными, но на практике тесно связанными между собой горизонтами интерпретации, образующими последовательные стадии единого процесса коллективного конструирования риска.

Список литературы

1. *Starr C.* Social Benefit versus Technological Risk. What is our society willing to pay for safety? // *Science*. 1969. Vol. 165. P. 1232–1238.
2. *Shrader-Frechette K.* Scientific Methods, Antifoundationalism and Decision Making // *Löfstedt R., Frewer L.* The Eathscan Reader in Risk and Modern Society. L. : Routledge, 1998. P. 45–55.
3. *Hansson S. O.* A Panorama of the Philosophy of Risk // *Handbook of Risk Theory. Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk / ed. by S. Roeser, R. Hillerbrand, P. Sandin, M. Peterson.* Heidelberg ; L. ; N.Y. : Springer, 2012. P. 27–55.
4. *Lupton D.* Risk. L. ; N.Y. : Routledge, 1999. 190 p.
5. *Slovic P.* Perceptions of Risk : Reflections on the Psychometric Paradigm // *Krimsky S., Golding D.* Social Theories of Risk. L. : Praeger, 1992. P. 117–152.
6. *Flynn J., Slovic P., Kunreuther H.* Risk, Media, and Stigma : Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology. L. : Taylor & Francis, 2001. 399 p.
7. *Peters R. G., Covello V. T., McCallum D. B.* The Determinants of Trust and Credibility // *Environmental Risk Communication: An Empirical Study // Risk Analysis*. 1997. № 17 (1). P. 43–54.
8. *Scherer C. W., Cho.* A Social Contagion Theory of Risk Perception // *Risk Analysis*. 2003. № 23 (2). P. 261–267.
9. *Sandman P. M.* Four Kinds of Risk Communication // *The Synergist (Journal of the American Industrial Hygiene Association)*. 2003. № 4. P. 26–27.
10. *Morgan M. G., Fischhoff B., Bostrom A., Atman C. J.* Risk Communication : A Mental Models Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 366 p.
11. *Dake K.* Myths of Nature : Culture and the Social Construction of Risk // *Journal of Social Issues*. 1992. Vol. 48, № 4. P. 21–37.

Образец для цитирования:

Иванов А. В. Коммуникация риска: теоретические основания и современные дискуссии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 251–256. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-251-256>

Risk Communication: Theoretical Foundations and Current Issues

A. V. Ivanov

Andrey V. Ivanov, <https://orcid.org/0000-0001-8840-7937>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ivanowaw@gmail.com

This article introduces the framework of risk communication problem. Values, attitudes, social influences and cultural identity,

and institutes influence what human beings perceive as their risks. Hence, the social experience of risk is not confined to the technical parameters of risk, i.e. the probability and magnitude. The present work examines the methodological roots of risk communication theory, traces the development of this subject in risk literature, and explores its value in current risk issues. Contemporary society can be considered not only as a communication and information society, but also as a risk society which is characterized by the emergence of the so-called 'new risks'. New risks cannot always be directly observed within the current methodologies for risk analysis. Risk perceptions are very often much more

important than the risks as such and eventually have their impact on social and cultural domains in the entire society. The risk is socially constructed. Hence, risk communication is essential to understanding conflicts, which are commonly seen as rooted in problems of risk perception and media amplification. The current study focuses on improving the analytical tools used to examine risks, which are socially and medially constructed. The research outcome includes an outline of holistic approach integrating cognitive and sociocultural perspectives on risks perception, which are not individually, but also socially constructed.

Keywords: risk society, risk theory, communication, risk perception, cultural theory, trust, conflict.

References

1. Starr C. Social Benefit versus Technological Risk. What is our society willing to pay for safety? *Science*, 1969, vol. 165, pp. 1232–1238.
2. Shrader-Frechette K. Scientific Methods, Antifoundationalism and Decision Making. In: Löfstedt R., Frewer L. *The Eathscan Reader in Risk and Modern Society*. London, Routledge, 1998, pp. 45–55.
3. Hansson S. O. A Panorama of the Philosophy of Risk. In: *Handbook of Risk Theory. Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*. Ed. by S. Roeser, R. Hillerbrand, P. Sandin, M. Peterson. Heidelberg, London, New York, Springer, 2012, pp. 27–55.
4. Lupton D. *Risk*. London, New York, Routledge, 1999. 190 p.
5. Slovic P. Perceptions of Risk: Reflections on the Psychometric Paradigm. In: Krimsky S., Golding D. *Social Theories of Risk*. London, Praeger, 1992, pp. 117–152.
6. Flynn J., Slovic P., Kunreuther H. *Risk, Media, and Stigma: Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology*. London, Taylor & Francis, 2001. 399 p.
7. Peters R. G., Cavello V T., McCallum D. B. The Determinants of Trust and Credibility // *Environmental Risk Communication: An Empirical Study. Risk Analysis*, 1997, no. 17(1), pp. 43–54.
8. Scherer C. W., Cho. A Social Contagion Theory of Risk Perception. *Risk Analysis*, 2003, no. 23(2). pp. 261–267.
9. Sandman P. M. Four Kinds of Risk Communication. *The Synergist (Journal of the American Industrial Hygiene Association)*, 2003, no. 4, pp. 26–27.
10. Morgan M. G., Fischhoff B., Bostrom A., Atman C. J. *Risk Communication: A Mental Models Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 366 p.
11. Dake K. Myths of Nature: Culture and the Social Construction of Risk. *Journal of Social Issues*, 1992, vol. 48, no. 4, pp. 21–37.

Cite this article as:

Ivanov A. V. Risk Communication: Theoretical Foundations and Current Issues. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 251–256. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-251-256>
